

О франко–американских противоречиях в области культуры

С.М. Косенко

Статья Дональда Моррисона под названием «Смерть французской культуры», опубликованная в декабре 2007 г. в американском журнале «Тайм», послужила отправной точкой тщательного анализа автором тонкой материи франко–американских противоречий в сфере культуры под углом зрения концепции «мягкой силы». Статья критически рассматривает различия в подходах двух стран к культурной политике в условиях глобализирующегося мира.

«Смерть французской культуры» (“The Death of the French Culture”) – под таким зловещим заголовком на обложке вышел в декабре 2007 г. очередной европейский номер американского журнала «Тайм». Статья же журналиста Д. Моррисона носила менее драматичный заголовок – «В поисках утраченного времени». Такая постановка вопроса о французской культуре и неуклюжие рассуждения американского журналиста, вполне понятно, вызвали негодование и острую полемику во Франции. На статью немедленно откликнулись ведущие парижские издания – «Фигаро», «Либерасьон», их почин подхватили французские блоггеры и интернавты.

На самом деле эта пространная статья стала примечательной хотя бы тем, что ее автор «раскрыл» простую истину, ясно обозначив принципиальную разницу во взглядах французов и англосаксов на культуру и культурную политику: если в Америке «достойным внимания» артистом или автором считается тот, кто добился коммерческого успеха и «хорошо продается», то французы (пока еще) хотят видеть в артистах и писателях прежде всего интеллектуалов, исследователей души, а просто коммерческий успех считают почти моветоном.

В разговоре о культурной политике Франции нельзя обойти вниманием вопрос о франко–американских разногласиях и антагонизмах, то и дело всплывающих наружу с начала 40–х гг. прошлого

века. Существует даже американское выражение: «We love to hate the French» (мы любим ненавидеть французов). В свою очередь во Франции США также являются объектом притяжения/отторжения:

– французы заполняют многочисленные Макдональдсы (ласково называемые Макдо) и в то же время бурно аплодируют решительному активисту борьбы с американским «мальбуффом» (дрянной едой) Жозе Бовэ;

– они тысячами устремляются в кинотеатры на новые голливудские блокбастеры и не менее рьяно поддерживают выступления своих политиков в защиту французской «культурной исключительности».

При этом в умах французов США занимают гораздо больше места, чем Франция в американской политике и в американском обществе. Американцы практически не учат французский язык и мало интересуются французской культурой. В свою очередь Франция, как считает обозреватель Ф. Гейзбург, зачастую идет на конфронтацию с США только для того, чтобы доказать свой независимый, суверенный характер как бы из «мазохистского» удовольствия, так как заранее сознает тщетность своих попыток.

Общеизвестно, что четыре долгих г. последней мировой войны значительная часть Франции была оккупирована гитлеровской Германией. Это были годы не только горя и страданий, как и для других оккупированных стран, но и позора – режим Виши

помогал фашистам вылавливать и отправлять в лагеря смерти евреев и участников Сопротивления, навечно запятнав себя коллаборационизмом. Когда высадившиеся 6 июня 1944 г. в Нормандии войска союзников во главе с США приступили к освобождению Франции, это положило начало всеобщему ликованию и сохранившейся навсегда всенародной признательности, восхищения и даже любви французов к американцам. Именно тогда началась «американизация» французского общества. С каждым годом этот процесс углублялся, усугублялся и проявлялся отнюдь не только в замене умирающих традиционных французских кафе Макдональдсами, но прежде всего в необратимых изменениях менталитета французов.

И чувства руководства Сражающейся Франции во главе с генералом де Голлем были далеки от любви к Америке, поскольку лидеры США и Великобритании дружно и упорно противились приему «слабого игрока» в круг держав-победительниц. В конце концов они пошли на признание места Свободной Франции в «клубе старших» только по настоянию Советского Союза. В свою очередь де Голль надолго сохранил недоверие и неприязнь к политике США, точнее, к их стремлению навязать и утвердить в послевоенном мире свою безраздельную гегемонию. Многим памятливы волевые и дерзкие решения де Голля, как, например, требование об обмене французского запаса американских долларов на золото в феврале 1965 г. или выход из Объединенного военного командования НАТО в 1966 г.

Приняв в 1959 г. решение об учреждении первого в западной стране министерства по делам культуры, де Голль также исходил из ощущения реальной опасности культурного засилья США во Франции и в остальной Европе. Единомышленник и соратник де Голля, министр культуры Андре Мальро как-то позволил себе презрительно заметить: «Что это за передовая цивилизация, которая способна завоевать весь мир, но не способна возродить свои собственные храмы...»¹. В свою очередь лидеры США и Великобритании привыкли смотреть на своего «брыкающегося» партнера свысока, с иронией или с раздражением. В сущности, европейская «родина прав человека» и заокеанский «оплот современной демократии» всегда находились в состоянии соперничества за влияние своих идей в мире.

В Америке после 1945 г. *франкофобия* также постепенно вытеснила традиционную *франкофилию*. Для местных патриотов Франция долгое время оставалась первым союзником американцев, воевавших за свободу. После войны за независимость высшие слои американского общества ориентировались на французский стиль и предметы роскоши, увлекались французским искусством и французской кухней, следили за парижской модой. После Первой мировой войны целое поколение молодых американцев (в том числе Э. Хэмингуэй, Г. Миллер и др.) экспатрировались, чтобы вести богемный образ жизни в Париже.

Падение Франции в 1940 г. под натиском гитлеровской Германии глубоко потрясло американских франкофилов, идилично воспринимавших Париж 1930–х гг. как нечто прекрасное и неприкосновенное. А к концу войны этот ореол окончательно померк. Тем более что в политике США к тому моменту верх взяли геостратегические интересы. После войны антифранцузские настроения в США продолжали нарастать в связи с колониальной политикой Франции, и в частности войной в Алжире. В свою очередь де Голль осудил военные действия США во Вьетнаме, хотя до этого сама Франция вела войну в Индокитае и была вынуждена подписать унижительные Женевские соглашения, отдавшие север Вьетнама во власть коммунистического режима.

24 июля 1967 г. в Монреале прозвучала скандально знаменитая фраза де Голля «Да здравствует свободный Квебек», расцененная как провокационная «шпилька» в адрес Вашингтона. Не по нраву американскому руководству было и то, что в 1970 гг. Франция продолжала наращивать свою самостоятельную программу ядерных вооружений, а также строила и развивала нормальные и даже активные отношения с коммунистическими режимами, начиная с СССР, как бы «подрывая единство западного блока». Уже на более позднем этапе Франция видела в Европейском союзе прежде всего противовес американской мощи и усиленно продвигала (и осуществляла) идею единой европейской валюты как противовеса американскому доллару в мировой торговле.

Соответственно США укрепляли свои отношения с Великобританией вплоть до создания совместной системы электронного прослушивания «Эшелон», которая, среди прочего, должна была покрывать и Францию. Однако надо заметить, что вопреки антагонизму, существовавшему в верхних эшелонах власти, роль французской мысли для интеллектуальной элиты США в послевоенный период была непререкаемой. Сартр, Фуко, Деррида, Кристева, Делез, Бодрийар, — эти мыслители вплоть до 1990–х гг. оставались для американских университетских кругов бесспорными авторитетами в современной философии и обществоведении. Интеллектуалы двух стран признавали также взаимные заслуги в области современной литературы и кино.

В последние годы напряженность в политических отношениях между Францией и США подпитывалась введением квот на американские фильмы во Франции, возобновлением испытаний французского ядерного оружия в Тихом океане; расхождением по вопросам европейского строительства, в частности в области обороны, отказом Ширака поддержать американский план вторжения в Ирак в 2003 г. И хотя другие крупные страны (Германия, Россия, Китай) тоже отвергли этот план, Франции от американцев досталось больше всего. В чем только ее не обвиняла ядовитая американская пресса: в «пещерном антиамериканизме», в «лицемерной защите» своих нефтяных интересов в Ираке, «демонстративном»

■ Международные отношения

направлении своих войск в Кот д'Ивуар в разгар иракского кризиса. Причем лицемерными – то были как раз американские нападки.

В марте 2003 г. из всех постоянных членов Совета Безопасности только Франция и Россия отвергли новый американский проект резолюции о вторжении в Ирак. С резким осуждением американской авантюры в Ираке выступил министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен. В ответ представитель внешнеполитического ведомства США Кондолиза Райс (она тогда еще не была госсекретарем) позволила себе высокомерно заявить: «Мы накажем Францию, проигнорируем Германию и простим Россию». А министр обороны Д. Рамсфельд квалифицировал Францию и Германию как «старую Европу», подразумевая под «молодой» Европой многочисленные восточноевропейские страны, плетущиеся в фарватере политики США.

С подачи «верхов» *франкофобия* в США достигла в те дни своего апогея. В частности, в коридорах власти получило распространение презрительное прозвище французов как «*cheese eating surrender monkeys*» («едающие сыр капитулянтские мартышки»), которое в 1995 г. прозвучало в мультипликационном сериале о семье Симпсон. Тогда же за океаном получили хождение вызывающе хамские наклейки на автомобилях «*Iraq first, France next*», «*First Iraq, then Chirac*». На этой волне в Штатах вышла книжка Дж. Миллера и М. Молески с весьма красноречивым названием «*Our Oldest Enemy: A History of America's Disastrous Relationship with France*».

Кампания по «клеимлению французов» (*french-bushing*) дошла до того, что было даже принято ребяческое решение заменить в меню всех американских кафе название жареной картошки – *french fries* на *freedom fries*. А французские бутерброды – на «бутерброды свободы». Во времена Первой мировой войны американцы уже проделывали то же самое с немецким названием кислой капусты – *liberty cabbage* вместо *sauerkraut*. Именно тогда названием «французский бутерброд» заменили немецкий бутерброд, а франкфуртские сосиски – прижившимся затем выражением *hot dog*. Многие «разгневанные», но «темные» американцы в 2003 г. покупали большие партии французского вина и демонстративно выливали его в канаву. Со временем, конечно, антифранцузские настроения в Америке пошли на убыль, и в 2007 г. уже 48% американцев «признавали» Францию лояльным партнером, а 41% респондентов ей симпатизировали. Тем не менее в американском обществе продолжают бытовать многочисленные устойчивые предрассудки в отношении Франции и французов (как и в отношении многих других независимых стран).

Осенью 2003 г., то есть в разгар полемики между Францией и США по поводу Ирака, состоялся визит в Вашингтон, Нью-Йорк и Бостон межпарламентской группы Франция–США. По итогам визита во французском Сенате был рассмотрен доклад председателя этой группы Поля

Жиро о состоянии франко–американских отношений². Этот документ любопытен своим глубоким и откровенным анализом политических разногласий между двумя странами. В частности, в докладе отмечалось, что в результате отказа французского руководства поддержать военную операцию США в Ираке заметно усилились антифранцузские настроения в Америке, на 10% сократился французский экспорт в США, снизилось число американских туристов, посетивших Францию. Визит, безусловно, способствовал разрядке напряженности в отношениях между двумя странами, хотя и не устранил лежащих в ее основе противоречий. Их суть в очередной раз была подробно изложена в критике независимыми экспертами опубликованной в 2008 г. во Франции «Белой книге по вопросам обороны». Авторы прямо и мотивированно назвали США «фактором риска для национальной безопасности Франции»³.

В целом, даже с учетом выше перечисленных объективных оснований для взаимной антипатии, говорить о каком-то закоснелом «антиамериканизме» французов было бы большой натяжкой. По данным социологического опроса того же 2007 г., только 15% французов заявили о своей «нелюбви» к Соединенным Штатам. Безусловно, антиамериканизм присущ какой-то части традиционного французского общества, однако Франция, несмотря на возникающие то и дело расхождения с «американскими друзьями», всегда была и остается верным стратегическим партнером и союзником США.

И здесь следует различать антиамериканизм «политический», в основном ушедший в прошлое вместе с де Голлем, и «культурный», который, в силу объективных причин, сохраняется и периодически проявляется в общественных настроениях и в культурной политике, проводимой самими разными французскими правительствами. Причем между правыми и левыми партиями во Франции на этот счет всегда существовало редкое единомыслие. Известно, например, что при прагматичном президенте Жискаре д'Эстене происходило сближение Франции и США по многим направлениям и соответственно усилились проамериканские настроения в стране, хотя это никак не мешало прекрасно развиваться отношениям между Францией и СССР.

С приходом к власти французских социалистов в мае 1981 г. политико-экономические противоречия между Францией и США стали еще более сглаживаться, зато противостояние с США в сфере идеологии и культуры, наоборот, заметно усилилось. Консервативное руководство США явно не желало смириться с существованием левого правительства во Франции, тем более что последнее почти сразу встало на позиции открытого противодействия культурной экспансии из-за океана.

Для руководства Социалистической партии эта задача приобрела принципиальное, поистине стратегическое значение как с точки зрения за-

щиты национальной самобытности и сохранения исторически признанного культурного влияния Франции в мире, так и в смысле дальнейших перспектив пребывания у власти. Не будучи достаточно сильной, чтобы потеснить США в экономическом, техническом и коммерческом отношении, Франция, по замыслу ее новых руководителей, рассчитывала сохранить за собой и по возможности упрочить свои позиции на культурном поприще, не желая уступать Соединенным Штатам духовного, идеологического и культурного лидерства. Перенос классической критики американского империализма (экономического и военного) на сферу культуры, особенно в области кино и новейших коммуникаций, был своего рода «сильным ходом» французской соцпартии. Он позволял, по замыслу ее идеологов, усилить критику главного конкурента Ф. Миттерана на предстоящих президентских выборах – действующего президента Жискара д'Эстена как «предателя национальных и проводника империалистических интересов»⁴.

Концентрированным выражением беспокойства французского руководства по поводу американской культурной экспансии явился упоминавшийся «Внешний культурный проект Франции» 1983 г. В нем было особо подчеркнута несбалансированность международных культурных обменов в пользу США. Культурная власть в мире, прямо отмечалось в проекте, все больше сосредоточивается в руках транснациональных монополий, штаб-квартиры которых чаще всего расположены в США. В 1975 г. восемь транснациональных компаний, среди которых не было ни одной французской, контролировали три четверти мирового рынка грамзаписей. Такое засилье ТНК проявлялось во всех других отраслях культуры – от торговли предметами искусства до образования. Франция первой в западном мире решила выступить против такого положения вещей.

Но при этом сама Франция не осталась в стороне от объективных процессов концентрации и интернационализации капитала в области культурной индустрии. Включившись в мировой культурный обмен, где под влиянием США и ТНК возобладали рыночные принципы, французские компании подверглись ожесточенной конкуренции и давлению со стороны американских компаний. Именно тогда – то министр культуры Жак Ланг, выступая в Мехико в июле–августе 1982 г., забил тревогу, во всеуслышание осудив «американский культурный империализм». В ту пору Франция категорически отвергала американскую модель культурных обменов, построенную на примате денег и диктате сильнейшего, рассматривая это как прямую угрозу своей национальной культуре и культуре других стран.

Объективности ради надо отметить, что к 80–м гг. прошлого века усилилась «американизация» массового сознания европейцев вообще. В целом в Европе сформировался некий средний тип человека, нуждавшийся в потреблении

именно американской культовой продукции – от джинсов, кока–колы и сэндвичей и до комиксов, кинобоевиков, рок–музыки и видеоклипов. Собственная индустрия развлечений во Франции во многом стала подстраиваться под американские стандарты, под некие усредненные вкусы. По данным социологов того времени, многие французы, прежде всего молодежь, страдали «комплексом неполноценности» в отношении США, и все, что было связано с Америкой, в их глазах ассоциировалось с прогрессом, индустриальной и технологической мощью, с будущим западной цивилизации. В июле 1985 г. французский журнал «Ле Пуэн» был вынужден с грустью признать: «американцы – повсюду, и прежде всего в наших головах».

В самой Франции у американской культурной экспансии нашлось немало своеобразных защитников. Так, видный обозреватель газеты «Котидьен де Пари» Ги Конопицки отмечал, что «пока культурный продукт массового потребления с маркой "сделано во Франции" не перестанет пахнуть овернской бакалеей, американцы без опасений будут слушать красивые речи наших министров»⁵. С этим утверждением тогда отчасти солидаризовались правые политические круги Франции, считавшие, что «культура не декретируется, как это полагает левое правительство». Справа же звучали, причем не без оснований, утверждения о том, например, что национальная литература и искусство Франции оказались не в состоянии подняться до художественного осмысления и обобщения исторических драм вроде войны в Алжире, как это удалось американцам в связи с войной во Вьетнаме.

Опасность духовной экспансии США для Франции и других западных стран усугублялась тем, что культурное проникновение, будучи следствием, опиралось на индустриальное, техническое и финансовое превосходство Америки над Старым Светом. Наиболее показательными в этом отношении были такие отрасли, как, кино, телевидение, видео, поп–музыка. В 1983–1985 гг. США, производя лишь 6% мировой кинопродукции, покрывали 33% мирового экспорта фильмов и получали 50% мировых сборов за их прокат. Американские ленты составляли от 35% в 1985 г. до 50% в 1987 г. на кинорынке Франции (более 60% в Италии, Нидерландах, Дании, 80% в Великобритании), тогда как на европейские фильмы приходилось лишь 4% кинорынка США. Зомбирующее воздействие на сознание французов оказывали бесконечные слащавые сериалы вроде «Далласа», «Династии» и др., а также концертные и мультипликационные американские программы, составлявшие до 33% телевизионного времени во Франции.

К началу 1980–х гг. Франция значительно уступала США на мировом рынке аудиовизуальной продукции (кино, ТВ, видео, радио). В 1982 г. экспорт продукции пяти ведущих французских телекомпаний составлял лишь 50 млн франков, то есть около 3% продукции США и менее полови-

■ Международные отношения

ны объема ее собственных закупок. Даже если в том же г. Франция удерживала второе место в западном мире по экспорту кинофильмов (240 млн фр.), она существенно отставала от США, оборот которых на мировом кинорынке составлял 6 млрд фр., в том числе 600 млн фр. в самой Франции⁶. Экспорт французской видеопродукции в те годы вообще был незначительным.

В общем, у пришедших к власти во Франции в 1981 г. социалистов были все основания беспокоиться по поводу углублявшейся американизации духовной жизни и культуры страны. Вот почему тема возрождения национальной культуры и сопротивления заокеанскому наступлению стала на какое-то время доминирующей в программных установках, выступлениях и практических действиях лидеров соцпартии задолго до мая 1981 г. С приходом на пост министра культуры Жака Ланга, одного из наиболее зрелых, убежденных и темпераментных идеологов ФСП, «антиамериканская» грань приобрела наиболее символическое и показательное концептуальное выражение во всей культурной политике Франции.

Ярким проявлением этих настроений стал проведенный в Сорбонне весной 1983 г. по инициативе Ж. Ланга нашумевший colloquium на тему «Развитие и культура». Он прошел под лозунгом активного противодействия униформизации и примитивизации по американскому образцу мировой культуры, что вело, по образному выражению участников, к появлению нового типа личности – «хомо кока-коленс», то есть бездумного потребителя стандартной продукции массовой культуры. В colloquium приняли участие около 400 видных деятелей мировой культуры и интеллектуалов, в том числе из США – философы А. Тоффлер, В. Янкелевич, писатель У. Стайрон, социолог Н. Бирнбаум, экономисты Н. Мейлер, С. Зонтаг, В. Леонтиев, У. Гэлбрейт, кинорежиссеры Ф. Коппола, С. Люмет, А. Пэкьюла. Прибыли также Ш. Мак-Брайд, М. Фриш, С. Фуллер, Грэм Грин, П. Устинов, Ф. Шлондорф, Э. Скола, М. Феррери и многие другие видные представители мировой интеллектуальной элиты из крупнейших стран, кроме Советского Союза. На открытии colloquium к участникам обратился президент Ф. Миттеран, призвавший собравшихся объединиться в «плодоносный союз культуры и экономики, примиряющий блага современной технологии с художественным и интеллектуальным творчеством». Индустрия культуры, подчеркнул тогда Миттеран, есть индустрия будущего, вкладывать в культуру – значит вкладывать в экономическое развитие.

Начавшаяся на colloquium дискуссия о взаимосвязи развития и культуры быстро вылилась, не без усилий с французской стороны, в единодушное осуждение «упаднических, стереотипных, коммерческих начал» в творчестве, символизируемых, по общему признанию, культурной продукцией США, рассчитанной на массового и малообразованного потребителя. Выступая в поддержку французских идей, основатель "Эм-

нести Интернешнл", видный британский общественный деятель Шон Мак-Брайд, подчеркнул, что «Франция – единственная страна, которая в условиях кризиса осознала важность моральных и культурных ценностей, оставаясь третьей военной державой в мире».

Colloquium в Сорбонне, разумеется, подогрел давно зревшее за океаном раздражение, вызванное нападками Ж. Ланга и всей французской культурной политикой, в которой американцы не без оснований усмотрели не только налет интеллектуального снобизма, но и реальное посягательство на их глобальные интересы. Буквально все средства массовой информации США разразились бурей негодующих, язвительных замечаний по этому поводу. Либеральная «Нью-Йорк Таймс» отмечала, например, что встреча в Сорбонне явилась «силовым приемом французских социалистов и их министра культуры, свидетельствующим о значении, которое правительство придает обретению Францией вновь роль динамичного международного культурного лидерства». Гораздо более резко высказалась консервативная «Уолл-стрит джорнэл»: «Вместо того, чтобы беспокоиться по поводу «Далласа», Жак Ланг лучше бы задался вопросом, почему Франция представляет собой ничтожество в современной активной мировой культуре. Вместо того, чтобы выставлять себя спасителем планетарной культуры, ему следовало бы спросить себя, почему Франция за последние двадцать лет не произвела на свет ни одного значительного писателя-романиста за исключением Мишеля Турнье, почему она выпала из области изобразительных искусств и почему у всех вызывает смех пафос традиционной французской риторики, которую проповедовали еще в допотопных французских школах и которой продолжают пользоваться во французском министерстве культуры».

Можно согласиться с тем, что форма, в которую вылился colloquium в Сорбонне, несколько походила на рекламное шоу. Однако существо франко-американских разногласий, выплеснувшихся наружу в результате этого мероприятия, тем не менее имело под собой вполне объективные побудительные мотивы. Французское руководство совершенно сознательно бросило вызов американской культурной империи, рассчитывая нажать на этом определенный внутривнутриполитический и международный капитал и упрочить свои позиции. Colloquium в Сорбонне послужил точкой отсчета не только, пусть и непродолжительного, соперничества между Францией и США за приоритет в мировых обменах культурными ценностями, но и генерировал глубокие и продолжительные дискуссии в политических и интеллектуальных кругах страны о ценностях и путях развития французской культуры и искусства. Обозреватель Джордан Уилл из «Вашингтон пост», пожалуй, ближе всех приблизился к правде, заявив, что colloquium послужил политическим целям соцпартии накануне муниципальных выборов и поэтому все интеллектуалы «выставили

себя на посмешище, работая на правительство, которое хотело закамуфлировать крупный провал своей экономической политики».

Следует, однако, признать, что организаторы коллоквиума, несмотря на его внешне архаичную форму, сумели добиться, чтобы на нем доминировали темы, созвучные целям французской культурной политики. За рассуждениями типа «Франция – земля убежища, Франция – мать искусств и законов» отчетливо проглядывала обеспокоенность правительства социалистов неизбежностью изнуряющей конкуренции с американскими компаниями в сфере культурной индустрии. В защиту идей коллоквиума выступила близкая к социалистам газета «Матэн». Признавая, что Париж перестал быть культурным центром мира, она отмечала 18 февраля 1983 г., что суть коллоквиума состояла «не в прославлении французской культуры, а в призыве к взаимопроникновению культур».

По мнению газеты, у французов не было оснований испытывать комплекс неполноценности под градом американских насмешек, когда общеизвестно, что по крайней мере четыре современных французских композитора – Мессиян, Булез, Дютийе и Ксенакис – вошли в десятку лучших в мире, а в самих американских университетах высоким спросом пользуются идеи таких здравствующих французских мыслителей, как Фуко или Леви-Строс. В интервью тому же номеру «Матэн» Ж. Ланг выразил удивление по поводу «ребяческой» реакции «Уолл-стрит джорнэл», дав понять, что эту газету, видимо, «уязвило столь представительное собрание американских интеллектуалов в Париже на посредственном фоне официальной культурной жизни в США».

В ходе развернувшейся весной 1983 г. франко-американской полемики, наряду с полярными мнениями прозвучал голос умеренно-либеральной части французской общественности. Видный деятель культуры, академик, музыковед Марсель Ландовски, на страницах буржуазной «Фигаро» от 22 февраля 1983 г., подчеркивал: «Нет ни правой, ни левой культуры, и когда демон политического пристрастия овладевает политическими деятелями – это смертельный яд для культуры». Истина, по его словам, состояла в беспристрастном и бескорыстном служении культуре вообще, и французской в частности. Пытаясь свести на нет бесполезный, по его мнению, спор между Францией и США, Ландовски несколько идеалистично заключил, что в результате соблюдения некоторых разумных правил можно было бы избежать подобных «вредоносных» разговоров и обеспечить всеобщее право на культуру в конце XX в.

Точка зрения Ландовски отражала взгляды довольно широкой части французской интеллигенции на альтернативный путь между идеологизацией культуры, проводимой социалистами, и ее коммерциализацией, неизбежно возникающей при праволиберальных правительствах. Франко-американская стычка из-за коллоквиума в Сорбонне всколыхнула и обнажила всю идеоло-

гическую подоплеку разногласий между левыми и правыми общественными силами во Франции, четко обозначила водораздел, определив на целое десятилетие тональность политического диалога между Францией и США.

Напряженность в духовной сфере, возникавшая из-за органической неприязни администрации США к правительству социалистов во Франции, тем более с участием коммунистов, усугубилась не только в результате сорбоннского коллоквиума, но и решения министра коммуникаций Фийу в 1982 г. запретить употребление английских терминов на французском радио и телевидении и целого ряда других мер по ограничению американского культурного присутствия, предпринятых левым правительством.

Показательно, что в ответ на Сорбонну правоконсервативные силы французской культуры довольно быстро сгруппировались и активизировались для защиты «американских ценностей». Уже в конце марта 1983 г. в Париже группой «независимых» деятелей был организован «круглый стол» для французских и американских журналистов во главе с ведущим обозревателем «Вашингтон пост» Э. Тайреллом. По случайному, но примечательному совпадению «круглый стол» пришелся на второй тур муниципальных выборов, окончившихся с неблагоприятным для социалистов исходом, что было тенденциозно расценено газетой «Фигаро» от 20 марта 1983 г. как «лучший ответ министру культуры». Задуманный как демонстрация симпатий к Америке, «круглый стол» отметил важность «совместного сопротивления советизму», а в итоге высказался за диалог культур, основанный на плюрализме в противовес «мстительному культурализму Ланга».

Непосредственным развитием идей «круглого стола» в защиту американизма с объективистских позиций явилась многодневная серия публикаций в «Фигаро» под рубрикой «Рентгеноскопия французской культуры». Основной смысл этих публикаций в сжатом виде довольно точно был выражен в статье видного публициста-консерватора Жана Д'Ормессона. Он выделил две причины снижения влияния французской культуры в мире: становление и расцвет других культур, а также бурное развитие новых средств коммуникации и индустрии потребления. Для спасения французской культуры, объяснял он, «нужны энтузиазм, а не пропаганда, вера, а не политика, независимость, а не угодничество»⁷.

В рамках тех же публикаций суть расхождений между Францией и США по вопросам культуры пытался сформулировать профессор французского языка и культуры Гарвардского университета Стэнли Хофман. Признавая огромное значение французской культуры и ее бесспорные достижения в глазах значительной части американской интеллигенции, он вместе с тем отметил, что в последние годы ощущался заметный спад в большинстве традиционных областей творчества во Франции, а интеллектуальная жизнь Парижа становилась все более провинциальной.

Вслед за «круглым столом» в апреле 1983 г. в Американском колледже в Париже состоялся семинар на тему «Американское культурное присутствие». Комментируя это событие и невольно раскрывая его политическую подоплеку, «Фигаро» подчеркивала, что американское общественное мнение во время коллоквиума в Сорбонне было задето антиамериканизмом министра культуры Жака Ланга. Поэтому целью всех последующих акций американской пропагандистской машины во Франции, поддержанными французскими правыми, было дискредитировать политику Ж. Ланга и социалистов вообще, доказать превосходство, универсальность и современный дух американской культуры, ее приверженность «подлинно» демократическим и историческим ценностям, в том числе французским. Во время семинара консервативная французская пресса утверждала, что антиамериканизм Ланга якобы возымел обратный эффект: «культурные обмены с Америкой стали крепнуть».

Один из главных участников и вдохновителей семинара, профессор Гарвардского университета Натан Глэзер, не скрывая, объяснил раздражение, которое вызвали за океаном заявления и действия Ж. Ланга и в целом «этатизм, идеологизация и дирижизм» тогдашней официальной политики социалистов во Франции. Он выразил «недоумение и разочарование американцев тем, что в такой западной стране, как Франция, смог утвердиться левый режим. Вместе с тем, исподволь превознося американскую систему, рассуждая о «кризисе западного центризма», консерватор Глэзер утверждал, что «поразительная конвергенция» между социалистической Францией Миттерана и либеральной Америкой Рейгана возможна. Например, в области децентрализации административной власти.

Стремясь минимизировать значение напряженности, возникшей между Францией и США, профессор не без оснований утверждал, что подобная натянутость существовала между двумя странами уже давно. Его рассуждения сводились к тому, что не следует преувеличивать их значение, ибо, по большому счету, обе западные страны всегда были едины и антиамериканизм во Франции даже меньше выражен, чем в ФРГ. Профессор довольно удачно обозначил различия в духовной сфере между двумя странами. Культура первой, по его словам, тяготеет больше к идеям, теориям, языку, общественным наукам, высокому искусству и поддается государственному управлению, в то время как культура второй – к вещам эмпирическим, прикладным и поэтому подчиняется законам рынка, спроса. Считая явно преувеличенными опасения французов относительно засорения французского языка английскими терминами, Глэзер в примирительном тоне заключил свои рассуждения заявлением, близким к истине: «Франция страдает комплексом неполноценности по отношению к Америке и недооценивает свои возможности».

В конце 1984 г. барометр общественных настроений позволил газете «Фигаро» сделать вывод о спаде волны антиамериканизма во Франции. «Каким бы ни было отношение западноевропейских стран к оборонной или экономической политике США, они тем больше предпочитают сильную Америку, чем больше сомневаются в собственной мощи», – отмечала «Фигаро» от 11 ноября 1984 г. На самом же деле в основе постепенного нарастания проамериканских настроений во Франции лежали глубокие и разнообразные объективные причины. Главная из них заключалась в том, что в стратегическом плане Ф. Миттеран в указанный период однозначно взял курс на более тесный союз с партнерами по НАТО. В философском плане общественное сознание французской интеллигенции 1980-х гг. в большей степени прониклось идеями прагматика, антикоммуниста Раймона Арона, нежели либерально-левого экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, владевшего умами в 1950-х и 1960-х гг.

Показательно, что именно «неистовый» Ж. Ланг сделал первый шаг к примирению с культурной Америкой. Если осенью 1981 г. он демонстративно отказался прибыть на фестиваль американского кино в Довиле, то на Каннском фестивале уже в мае 1983 г. министр устроил торжественный обед в честь президента Ассоциации американских продюсеров Джека Валенти и вручил американскому гостю орден Почетного легиона. Цель этого шага была очевидной, она свидетельствовала скорее о моральном поражении Ж. Ланга, чем о его тактическом мастерстве. В интервью газете «Матэн» в те же дни французский министр пытался подкрепить, обосновать свою позицию: «Ложные раздоры были искусственно преувеличены. Вполне естественно, что Франция заботится об установлении с США нормальных, сбалансированных обменов в области кино. Никто не собирается навязывать ограничения либо специально противодействовать американскому кино. Это было бы абсурдом».

Серьезным признаком потепления в культурных отношениях между США и Францией явилась достигнутая в ноябре 1984 г. договоренность о проведении в 1986 г. фестиваля, посвященного 100-летию статуи Свободы. Как известно, это произведение французского скульптора Бартольди было подарено Францией США по случаю сотой г.щины Декларации независимости североамериканских штатов. Находясь в Нью-Йорке на открытии кинозала, специализирующегося на показе французских фильмов, Ж. Ланг предпринял значительные усилия для того, чтобы очаровать американскую общественность и сгладить неблагоприятные последствия своего антиамериканского выступления в 1982 г. в Мехико.

В интервью газете «Нью-Йорк таймс», опубликованном в эти дни, министр стеснительно пытался объяснить, что в понятие «империализм» он вкладывал совсем другой смысл, «нежели тот, который ему придают в Америке»⁸. Выступая тогда же в Линкольн-центре в присутствии спе-

циального представителя Белого дома Д. Терра, министр культуры Франции подчеркнул, что «никогда еще культурные отношения между двумя странами не были столь тесными, насыщенными, столь плодотворными».

Дальнейшие события показали, что антиамериканизм Ж. Ланга, носивший чисто идеологический характер на начальной стадии его деятельности, угасал по мере того, как Франция стала проникаться основной проблемой своей культурной индустрии – рентабельностью. Именно это подтолкнуло Ж. Ланга, с одной стороны, к сближению с США, а с другой – к налаживанию согласованной культурной политики со странами Западной Европы в качестве противовеса американской финансовой мощи, особенно в области кино, новейших средств коммуникации и передачи изображения. Здесь и должно было, как ожидалось, развернуться основное соперничество между США и европейскими странами к концу XX в.

К концу 1980-х гг., таким образом, в силу идеологического прагматизма социалистов, а также под воздействием правобуржуазных сил и правого правительства, пришедших к власти в марте 1986 г., во Франции усилился крен общественных вкусов в сторону американских ценностей. Газета «Фигаро» в июне 1986 г. в статье «Американская мечта» упоенно восклицала: «Америка – колыбель демократии – всегда заворачивала, восхищала Европу, словно Земля обетованная, Эдем, Новый Вавилон, как жизненное пространство для всех, кого обстоятельства вынудили скитаться, и где все существующие противоречия слились в тончайшей гармонии».

На защиту имиджа Америки поднялись крупные публицисты, литераторы и артисты правых взглядов. Один из них, Жан-Франсуа Ревель, автор книги «Ни Маркс, ни Иисус», одно из главных достоинств Америки усмотрел в том, что в 1917 г. она стала бастионом на пути мировой социалистической революции. Со ссылкой на опросы, проведенные Советом Европы, Ревель утверждал, что антиамериканизм во Франции имеет роялистско-интеллектуалистское, а не народное происхождение. В качестве примера он сослался на то, что Франция была единственной страной в Европе, которая одобрила налет ВВС США на Ливию. Своих проамериканских симпатий не скрывали такие звезды французской эстрады, как Ив Монтан, Мишель Сарду, Джонни Халлидей и многие другие деятели культуры.

Анализ эволюции общественных взглядов Франции в пользу США был предпринят, в частности, в книге «Америка в наших головах», изданной во Франции в июне 1986 г. Можно согласиться с содержащимися в ней выводами о том, что подъем «американофилии» во Франции в 1960–1980-х гг. логически пришелся на период, когда умер де Голль и когда всему миру стали известны преступления сталинского режима. Интеллектуалы, которые симпатизировали сталинизму, испытали чувство разочарования и

виновности, что сыграло на руку Америке. Идеология социалистов косвенно благоприятствовала этой тенденции. К середине 1980-х гг. бывший актер и эффективный прагматик Р. Рейган стал во Франции самой популярной зарубежной политической фигурой.

Дональд Моррисон в своей нахуливающей некогда статье довольно претенциозно заключил, что земля Пруста, Моне, Пиаф и Трюффо «утратила свой статус культурной сверхдержавы» и «теряет позиции на мировом рынке культуры». Конечно, проблемы у Франции действительно есть, но связаны они не с «упадком» высокой, классической французской культуры, а с бурным натиском стандартной, массовой культуры, навязываемой из-за океана всему миру. Порочность рассуждений Моррисона состоит как раз в том, что он подходит к анализу состояния французской культуры с рыночной меркой, столь любезной сердцу англосаксов. Ну и что, если из 700 новых романов, вышедших во Франции в текущем году, лишь около десятка найдут своих издателей в США, в то время как 30% художественной литературы, издаваемой во Франции, – это переводы с английского?

Разве это не признак того, что в культуре Запада, и прежде всего Америки, превалирует коммерческий подход, с которым храбро и почти в одиночку уже который год сражается Франция?

Разве в мире по-прежнему не пользуются спросом творения французских писателей прошлого – Мольера, Гюго, Бальзака, Стендаля, Флобера, Пруста, Сартра, Камю, Мальро и многих других, универсальное значение произведений которых для человечества со временем отнюдь не снижается?

Разве Франция не может гордиться тем, что у нее есть добрая дюжина Нобелевских лауреатов по литературе, то есть больше, чем у любой другой страны?

Заблуждается Моррисон и в отношении французской киноиндустрии, которой якобы сегодня «предстоит заново завоевать славу «новой волны» 1960-х гг., когда такие режиссеры, как Трюффо или Годар, диктовали новые правила кинематографа». Великое кино Франции прошлых лет остается в сокровищнице мировой цивилизации, чего не скажешь о американских блокбастерах, заваливших кинотеатры всех стран исключительно в целях получения доходов и продвижения напористой американской идеологии.

Журналист «Ньюсуика» пишет о том, что в изобразительном искусстве место Парижа – колыбели импрессионизма, сюрреализма и других крупных авангардных течений – сегодня заняли Лондон и Нью-Йорк, так как на художественных аукционах во Франции сегодня продается 8% произведений современного искусства против 50% – в США и 30% – в Великобритании. И это что, как-то снижает значение великой французской живописи прошлого? Этот же журналист отмечает, что во Франции по-прежнему есть композиторы и дирижеры международного уровня, но

■ Международные отношения

«ни один из них не сравнится с такими гигантами XX в., как Дебюсси, Сати, Равель или Мило». Хорошо уже и то, что он сам признает величие французских музыкантов недавнего прошлого, причем даже не называя здравствующего и ныне несравненного авангардиста Пьера Булеза. И если в эстрадной музыке веяния моды вытеснили таких французских шансонье, как Шарль Тренэ, Эдит Пиаф или Ив Монтан, то произошло это по той же причине – на цели своего культурно-коммерческого господства американская машина после 1945 г. потратила миллиарды долларов. Кто же тут устоит?

Устояла Франция – единственная западная держава, которая пока что с честью выдерживает напор англосаксонской массовой культуры. Известно, что французское правительство тратит порядка 1% ВВП на поддержку многочисленных форм культурной деятельности против 0,7 % – в Германии, 0,5 % – в Великобритании и 0,3 % – в США, а министерство культуры Франции с его 11 200 служащими направляет эти средства прежде всего в сферы, считающиеся опорой «высокой культуры» – музеи, оперу, театральные фестивали, считающиеся «несовременными, устаревшими» в «передовой» Америке.

Америку раздражает «особая» культурная политика французов, когда государственные субсидии на цели культуры выделяются по всем направлениям: продюсер любого не порнографического фильма может получить у правительства аванс под будущие сборы, и преобладающая часть этих ссуд никогда не возвращается. По сути дела, субсидии черпаются из 11-процентного налога на входные билеты в кино. Лидирующий частный телеканал страны – КаналПлюс – обязан тратить 20% своего оборота для приобретения прав на показ французских фильмов. В соответствии с законом, 40 % телевизионных и радиопередач должны быть французскими. Строго контролируется соблюдение квот на программирование французских передач в наиболее выгодное время. Правительство освобождает от уплаты налогов творческих работников, не имеющих постоянного контракта. Художники и скульпторы могут получить студии в бесплатное пользование. Франция направляет за рубеж огромное количество преподавателей, артистов, переводчиков и субсидирует не менее 150 культурных ассоциаций, 26 исследовательских центров и около 180 археологических раскопок во всем мире.

Придя к власти, Саркози, как считает Моррисон, напугал французскую интеллигенцию своим призывом к «демократизации» культуры». Многие опасались, что отныне культурная политика в отношении качества будет руководствоваться рыночными, а не профессиональными соображениями. Назначение Кристины Албанель на пост министра культуры было воспринято как выбор в пользу индивидуальной инициативы – в качестве директора Версальского музея она широко практиковала апелляции к частным спонсорам. Лувр пошел еще дальше, открыв на частные средства

филиалы в Атланте и Абу Даби. Но дальше этого, сожалеет автор, дело не пошло: французская система культуры, опирающаяся на государственные субсидии, а не на частные пожертвования, устояла.

В заключение своих рассуждений о культурной политике Франции, Моррисон все же признает, что на самом деле культура Франции жива, как никогда. Ее фильмы становятся все более и более изобретательными и доходчивыми, достаточно посмотреть на «Такси» Люка Бессона, «Испанский постоялый двор» Клапиша или «Мое сердце перестало биться» Одыра, которые достаточно интеллектуальны, но нравятся широкой публике и получили признание за рубежом. Есть сдвиги и в песенном творчестве, например, французский рэп и хип-хоп более поэтичны, чем их американские варианты, причем за счет притока артистов иммигрантского происхождения. Моррисон обозначает всего три сферы культуры, в которых Франция – де сохраняет свое превосходство, «вбирая влияния извне»:

– во-первых, это мода, и в ней Франция остается лидером «благодаря своим инородным дизайнерам»;

– во-вторых, французская кухня с опорой на итальянские и все больше азиатские традиции становится всемирной нормой;

– в-третьих, французские виноделы сегодня используют технологии, практикуемые за рубежом, чтобы сохранить свою высокую репутацию в этой области и противостоять конкуренции со стороны новых винодельческих районов.

И здесь следует отметить, что с приходом к власти в мае 2007 г. президента Николя Саркози отношения между Францией и США приобрели интенсивный, тесный и подчеркнуто теплый характер. За прошедшие три г. сам президент, премьер-министр Франсуа Фийон, министр иностранных дел Бернар Кушнер и другие французские министры (кроме министра культуры) многократно посещали Вашингтон для переговоров. Б. Обама после вступления в должность в начале 2009 г. в должность уже трижды встречался с французским президентом. Выступая в конгрессе США 7 ноября 2007 г. во время своего первого официального визита за океан, Саркози, не мудрствуя, заявил: «Американский и французский народы – друзья испокон веков. Между друзьями могут возникать расхождения, разногласия и даже споры, как в семье, но в трудностях и испытаниях Америка и Франция всегда шли бок о бок, поддерживали друг друга и помогали друг другу. ...США и Франция привержены общим идеалам, отстаивают одни и те же принципы и разделяют одинаковые ценности...».

Этот, по выражению прессы, «климат доверия», установившийся в отношениях между двумя странами, ознаменовался в сентябре 2009 г. возвращением Франции в Объединенное военное командование НАТО. В экономической области между Францией и США за последние годы тоже был достигнут высокий уровень взаимных инве-

стиций (Франция занимает шестое место среди зарубежных инвесторов США). 24 тысячи французских предприятий экспортируют свою продукцию в США (Франция находится на восьмом месте среди торговых партнеров США). С обеих сторон в последние годы прилагались усилия для динамичного развития обменов в области образования и научных исследований. В июне 2009 г. прошло первое заседание созданной Смешанной франко-американской комиссии по вопросам науки и технологий. В американских университетах Беркли и Стэнфорд привилегированное место заняли французские учебные программы по целому ряду дисциплин. Были разработаны новые программы по изучению французского языка (программа усиленного изучения французского в Луизиане, программа Heritage и др.). Учреждена премия Э. Хэмингуэя за лучший перевод произведений французских авторов. Создан Фонд FACE (French American Cultural Exchange). Действуют различные фестивали французской музыки, театра, книги и т.п. Особые усилия прилагались для более широкого распространения французского кино в вузах и учреждениях культуры. Отделения культурной службы посольства Франции в США открыты в десяти крупнейших городах Америки.

Все это, конечно, хорошо, намного лучше, чем вражда. Но тем не менее отход нынешнего французского руководства от основополагающих принципов голлизма налицо, и его можно объяснить тем, что Николя Саркози, как все выходящий из Восточной Европы и как многие французские либералы, не скрывает своего восхищения Америкой и разделяет ее идеалы. Поэтому и в области культуры, он, судя по всему, ориентируется на американскую модель ограничения вмешательства государства в эту сферу, нежели на традиционную защиту «французской культурной исключительности». Об этом можно только сожалеть, но

в какой-то степени такой подход, кроме вкусов самого президента, наверное, отвечает настроениям значительной, наименее образованной части французского общества, состоящей из многочисленных почитателей и потребителей продукции американской массовой культуры.

Но президенты приходят и уходят, а объективные причины для разногласий между Францией и США в области культуры остаются. Время покажет, какой из двух курсов окажется правильным. Ведь, несмотря на заметный подъем симпатий к США во Франции на рубеже тысячелетий, остаются неизменными озабоченности:

- состоянием французской культуры;
- наплывом американских коммерческих стандартов во всех ее областях;
- жесткой конкуренцией культурной продукции двух стран.

Как свидетельствуют факты, такая озабоченность более характерна для умонастроений передовой, просвещенной общественности и части правящей верхушки Франции. Поэтому, как представляется, американский культурный фактор продолжает оставаться для Франции потенциально взрывоопасным источником новых противоречий с заокеанским партнером, хотя такого всплеска антиамериканских проявлений, как в начале 1980-х гг., ждать уже не приходится.

Kosenko S. M. Some peculiar properties of French–USA cultural relationship.

Summary: Signed by Donald Morrison, an article under a sinister title “The Death of the French culture” published in the December 2007 issue of the “Time Magazine” is a starting point for the scrupulous analysis by the author of a delicate matter of French–American Love–Hatred in the context of so called “soft power”. The article emphasizes the critical difference of the two countries approach to the cultural policy in the globalized world.

Ключевые слова

Униформизация культуры, культурный гегемонизм, культурное разнообразие, культурная исключительность, франкофобия.

Keywords

standardization of culture, cultural hegemony, cultural exclusivity, cultural diversity, francophobia.

Примечания

1. Dictionnaire des politiques culturelles de la France depuis 1959, Editions Larousse, 2001, p.22
2. <http://www.senat.fr/ga/ga51/ga51.html>.
3. <http://knol.google.com/k/jose-lisere/critique-du-livre-blanc-sur-la-efense/1r0n5q0is95>
4. Philippe Urfalino. L' invention de la politique culturelle. Editions Hachette, 2004, p.348
5. Le quotidien de Paris от 18 февраля 1983 г.
6. Le Projet culturel extérieur de la France. La Documentation française, Paris, 1983, p.22.
7. Le Figaro от 6 апреля 1983 г.
8. Le Monde от 20 ноября 1984 г.